

Ци Мумянь, неся в руках двусторонний парчовый шелк, вернулся в резиденцию генерала.

Бай Чуань, подметавший двор, поначалу решил, что ему померещилось, но, протерев глаза и убедившись, что перед ним действительно Ци Мумянь, бросил метлу и бросился навстречу:

— Хозяин, вы вернулись!

После того как Ци Мумяня лишили воинских полномочий, а жалованье урезали, он счел расходы на прислугу непомерными и распустил всех, оставив лишь Бай Чуаня и одну служанку.

Глядя на усыпанный опавшими листьями двор, Ци Мумянь внезапно задумался:

— Бай Чуань, не стоит ли мне нанять еще несколько слуг?

Бай Чуань не понял, с чего вдруг возник такой вопрос, но он всегда относился к словам Ци Мумяня как к священному указу.

— Сколько человек вы хотите нанять, хозяин? Слуг или служанок?

Ци Мумянь молча прикрыл глаза, а затем произнес с ноткой ехидства:

— Найму одного слугу, чтобы подметал двор, и одну служанку, чтобы готовила и стирала. Тогда ты сможешь отдохнуть.

— Хозяин, неужели у вас проснулась совесть, и вы наконец поняли, как мне тяжело? — радостно воскликнул Бай Чуань.

— ...

Ци Мумянь не понимал, от чего именно тот так устает: еды и одежды вдоволь, двор подмести недолго, да и стиркой занимается служанка. Он холодно фыркнул:

— Раз тебе так тяжело, как же я мог этого не заметить? Конечно, нужно нанять двоих, чтобы они прислуживали тебе.

Эти слова... звучали донельзя язвительно.

Бай Чуань надул губы:

— Хозяин снова надо мной подшучивает.

— Какие еще шутки? Посмотри на этот двор, усыпанный листьями. Как ты один можешь со всем справиться?

— Это все нападало за ночь, я ведь как раз этим и занимаюсь, — обиженно протянул Бай Чуань.

Если уж недоволен, что двор не подметен, так и сказал бы прямо, зачем ходить вокруг да около? Бай Чуаню показалось, что за те несколько дней, что Ци Мумянь провел в резиденции премьер-министра, он стал таким же, как сам премьер, — вечно изъясняется намеками, чтобы уколоть человека.

— Тогда чего стоишь? Подметаю быстрее, — Ци Мумянь не стал слушать оправданий. — Если кто-нибудь увидит резиденцию генерала в таком виде, еще подумает, что я, Ци Мумянь, уже на тот свет отправился.

Бай Чуаню хотелось лишь ответить: вы слишком много на себя берете, в нынешнюю резиденцию генерала все равно никто не заглянет. Однако, видя раздраженного Ци Мумяня, он не посмел произнести это вслух.

Разобравшись с Бай Чуанем, Ци Мумянь направился на задний двор.

Солнце уже клонилось к закату, его лучи ложились на землю, наполняя все вокруг теплом.

Бай Шуан, заметив Ци Мумяня, уже собралась поприветствовать его, но тот жестом остановил ее. Стараясь двигаться бесшумно, он подошел к шезлонгу и закрыл девушке глаза ладонями.

Девушка, не открывая глаз, по ощущениям догадалась:

— Ци Мумянь.

— Скучная ты, — Ци Мумянь не расстроился, что его так быстро раскрыли, и, придвинув табурет, сел напротив Ци Юнь. — Неужели нельзя было притвориться, что ты ничего не заметила?

Лицо Ци Юнь в лучах заката казалось ослепительно бледным, лишь длинные брови и ресницы выделялись черным цветом. Она подняла взгляд на Ци Мумяня и спросила:

— А нельзя ли тебе быть хоть немного серьезнее?

— Я лишь пытаюсь добавить в твою жизнь немного детской радости, — Ци Мумянь поправил сползшее с ее ног одеяло. — Ты вечно ходишь с таким печальным видом, я боюсь, как бы ты однажды не зачахла от тоски. А ты еще и не ценишь моих стараний, обидно даже.

Ци Юнь закатила глаза:

— Ну тогда мне, должно быть, стоит тебя поблагодарить.

Ци Мумянь кивнул:

— Разумеется, стоит.

Он вытащил сверток с двусторонним парчовым шелком, помахал им перед глазами Ци Юнь и, заметив ее недоумение, победно улыбнулся:

— Тот самый шелк, который ты хотела.

В глазах девушки промелькнуло удивление. Она приподнялась, взяла шелк, развернула его и, коснувшись пальцами гладкой ткани, просияла.

Видя ее радость, Ци Мумянь невольно улыбнулся:

— Ну что, теперь признаешь, что должна меня поблагодарить?

Ци Юнь ответила:

— Да-да, спасибо тебе.

Ци Мумянь спросил:

— Ты собираешься шить из него что-то? Может, мне найти тебе портного?

— Не нужно, — отрезала Ци Юнь. — Я сама справлюсь, больше тебя беспокоить не стану.

...Ци Мумянь, напротив, хотел бы, чтобы она беспокоила его как можно чаще — так его чувство вины стало бы хоть чуточку меньше.

Когда Ци Мумянь ушел в армию, Ци Юнь было всего тринадцать — возраст, когда только начинаешь осознавать происходящее. Она не понимала, почему он уехал, знала лишь, что родители каждый день ждали его возвращения, но так и не дождались — они умерли раньше.

Ци Юнь как-то рассказывала, что в тот вечер, когда родителей не стало, мать как раз шила для Ци Мумяня новую одежду, приговаривая, что когда он вернется, сняв доспехи, как раз придет время жениться.

Человек, о котором они так тосковали, не смог даже попрощаться с ними перед смертью.

Поэтому в сердце Ци Юнь навсегда поселилась обида на него.

Хотя это была не его вина, оправдываться было бессмысленно. Оставалось лишь пытаться радовать Ци Юнь, надеясь, что она хоть иногда будет разжимать губы в улыбке.

Покинув Ци Юнь, Ци Мумянь вернулся в главный двор.

Бай Чуань уже почти закончил подметать, и из-под слоя опавших листьев показались серые каменные плиты.

Ци Мумянь, прислонившись к белой нефритовой балюстраде, свистнул. Когда Бай Чуань, обнимая метлу, подбежал ближе, он спросил:

— Бай Чуань, я ведь раньше уже встречал Четвертую принцессу, верно?

Этот вопрос не давал ему покоя по дороге из лавки тканей, но вспомнить так и не удалось.

Бай Чуань, опираясь на метлу, почесал подбородок и ответил:

— Хозяин, вы же помогли Четвертой принцессе, неужели забыли?

Видя, что тот все еще недоумевает, Бай Чуань добавил:

— Из-за этого случая вас тогда еще господин Ци изрядно отколотил.

Стоило Бай Чюаню это произнести, как в памяти Ци Мумяня всплыли некоторые подробности.

В юности он был озорником, но поводов для порки со стороны Ци Юньшаня было не так уж много. А тот случай произошел потому, что...

В тот день был день рождения Цзи Сичжао. Они, будучи близкими друзьями, сбежали с занятий и сняли отдельный кабинет, чтобы отпраздновать. Только они выпили по паре чарок, как из коридора донеслись крики. Выйдя проверить, в чем дело, они увидели пьяного мужчину, который преградил путь девушке и настойчиво требовал, чтобы та выпила с ним.

В обычное время Ци Мумянь, может, и прошел бы мимо, но в тот день он был слегка пьян, да и портить праздник Цзи Сичжао не хотелось, поэтому он просто подошел и избил того мужчину.

На следующий день, после утреннего доклада, Ци Юньшань рассказал ему, что избитый им человек — единственный сын великого наставника, а спасенная девушка — Четвертая принцесса.

Хотя он совершил благородный поступок, спасая красавицу, Ци Юньшань все равно наказал его, велел впредь не лезть в чужие дела.

Кто бы мог подумать, что та испуганная девочка, которая тогда боялась поднять головы, превратилась в столь статную и уверенную в себе особу.

Ци Мумянь сразу понял, почему Цинь Жун сказала, что Четвертая принцесса положила на него глаз. Должно быть, она все еще помнит ту давнюю доброту.

— Хозяин, почему вы вдруг спросили о Четвертой принцессе? — заметив понимающее выражение лица Ци Мумяня, Бай Чуань понял, что тот все вспомнил. — Только не говорите, что вы... что-то задумали насчет нее?

В самом деле, если человек, который никогда не проявлял интереса к женщинам, вдруг начинает о них спрашивать, что это может значить, кроме как наличие определенных намерений?

Ци Мумяня разозлила и рассмешила нелепость в глазах Бай Чуаня, будто он был жабой, вознамерившейся отведать лебединого мяса.

Он рявкнул:

— Это не я что-то задумал насчет нее, это она задумала что-то насчет меня!

— Кто это тут что-то задумал насчет тебя?

Холодный голос прозвучал так вовремя, будто только и ждал окончания фразы.

Ци Мумянь и Бай Чуань одновременно обернулись.

Сердце Бай Чуаня ушло в пятки, он задрожал:

— Пре... премьер-министр!

Цзи Сичжао, облаченный в белые одежды, походил на небожителя, спустившегося с небес. В лучах заката, с мрачным выражением лица, он подошел к Ци Мумяню и повторил:

— Кто это тут что-то задумал насчет тебя?

<http://bllate.org/book/19772/1947894>